

18+

Галина Силантьева

**ЭРОТИЧЕСКИЕ
РАССКАЗЫ. ПАРНИ,
БАНЯ, ЛЮБОВЬ**

Галина Силантьева

**Эротические рассказы.
Парни, баня, любовь**

«Издательские решения»

Силантьева Г.

Эротические рассказы. Парни, баня, любовь / Г. Силантьева —
«Издательские решения»,

Шесть друзей. Одна парилка. Ноль запретных тем. Каждую субботу они встречаются здесь, чтобы смыть с себя усталость рабочей недели под треск раскалённых камней и свист берёзовых веников. Но в этот раз привычный мужской ритуал выходит из-под контроля. Кто-то бросает вызов: «А теперь — самое интересное!» Каждый из шестерых по очереди выкладывает свою тайную историю.

© Силантьева Г.

© Издательские решения

Содержание

История Макса	6
История Андрея	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эротические рассказы. Парни, баня, любовь

Галина Силантьева

© Галина Силантьева, 2026

ISBN 978-5-0071-4172-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пар, густой и обволакивающий, оседал на тёмных липовых досках. Шестеро друзей сидели на верхней полке, передавая по кругу запотевший ковш с квасом. Субботний вечер в бане был для них священным ритуалом — единственной возможностью смыть не только городскую пыль, но и недельную усталость и тревоги.

Тишину нарушало лишь шипение раскалённых камней да мерный стук веника, которым задумчиво похлопывал себя по колену Лёха — самый молчаливый из компании. Первым не выдержал Макс. Он плеснул остатки кваса на камни, и баню тут же окутал хлебный, кисло-сладкий дух.

— Мужики, а вот если без этого всего... работы, ипотеки, планов на пятилетку, — он обвёл всех немного ослотившим от жара взглядом. — Если вспомнить самое дикое, самое нелепое или просто крышесносное свидание? У каждого ведь есть такое, о чём вспоминаешь и думаешь: «Этого просто не могло быть».

Идея упала на благодатную почву, разогретую не хуже каменки. Сначала посыпались смешки, потом кто-то задумался, и воздух между ними стал плотнеть уже не от пара, а от предвкушения историй. Каждый смотрел на соседа, и в их взглядах читалось одно: «Ну что, начнём?»

И они начали рассказывать.

История Макса

Много лет назад, когда мне было всего двадцать, я точно знал, как выглядит скука. Скука — это салат «Оливье» в хрустальной вазе, подёрнутый заветренной плёнкой майонеза, а вокруг него за накрытым столом мамы подруги, громко обсуждающие цены на помидоры или неудачный ремонт соседки.

В воскресенье моей маме исполнилось тридцать восемь. По этому поводу квартира превратилась в парник: духовка жарила не переставая, а воздух стал густым от смеси приторных духов и запаха селедки под шубой.

Я сидел в своей комнате, пытаюсь спастись в наушниках, но несмолкаемые голоса из гостиной всё равно пробивались сквозь стену. Гости уже дошли до той стадии праздника, когда тосты становятся громче, а смех — взрывным.

И тут в мою комнату вошла Юлия Сергеевна, подруга мамы со времен института. Я поднял глаза от компьютера. Раньше я видел её лишь мельком на фотографиях или на каких-то скучных семейных сборищах, где она всегда сидела тихонько в углу с мужем. Сегодняшняя разведённая Юлия Сергеевна не имела ничего общего с той бледной тенью из прошлого.

Она зашла, чтобы оставить на моём столе блюдо с бутербродами с красной икрой. На ней было тёмно-бордовое платье-футляр. Не вызывающее, закрытое почти до горла, но оно обнимало каждый изгиб её тела так, словно было нарисовано прямо на коже. Волосы цвета тёмного шоколада, обычно собранные в строгий пучок учительницы, сегодня падали на плечи крупными локонами. От неё пахло чем-то дорогим, терпким — вишня и немного мускуса.

— Привет, Макс, — сказала она. Голос у неё был низкий, с лёгкой хрипотцой. — Твоя мама попросила принести тебе закуску. Надеюсь, ты не против вторжения?

Я кивнул, чувствуя, как пересыхает горло. Она поставила тарелку, повернулась к окну поправить штору, и ткань платья натянулась на бедро, очерчивая идеальную линию.

Когда она снова посмотрела на меня, то заметила мой буравящий взгляд. Она могла бы смутиться, сделать вид, что ничего не происходит, или уйти. Но Юля осталась. Прислонилась плечом к дверному косяку, скрестив руки на груди, и спросила:

— Тебе лет-то сколько?

— Двадцать. В прошлом месяце исполнилось.

— Вырос, — констатировала она, медленно оглядывая меня с ног до головы. В глазах плясали смешинки. — Последний раз, когда мы виделись, ты едва доставал мне до плеча. А теперь... теперь смотришь так, что мне становится жарко. Окно открой, Максим. Душно.

Она ушла, покачивая бёдрами с такой ленивой грацией, что у меня потемнело в глазах. Весь вечер я не мог найти себе места. Пытался смотреть телевизор с гостями, пытался помогать матери, но везде чувствовал присутствие Юли. Вот она смеётся над шуткой маминой коллеги по работе — смех у неё грудной, искренний. Вот она держит бокал с вином длинными пальцами с идеальным маникюром.

Разница в возрасте? Да плевать.

Вечер начал затихать около полуночи. Ушли шумные родственники, потом коллеги с работы. Остались только самые близкие: папа (он быстро уснул в кресле после третьей рюмки), мама и Юля. Они вдвоём домывали посуду. Я вышел помочь, вытирать тарелки.

Мы стояли у раковины напротив друг друга. Мама что-то увлеченно рассказывала про новый сериал, стоя к нам спиной. Между мной и Юлей лежала гора мокрых тарелок. Наши руки двигались синхронно. Она берёт чистую тарелку, протягивает мне, я вытираю полотенцем.

Когда я потянулся за следующей посудиною, наши руки встретились над пеной. Ее пальцы коснулись моих. Она подняла на меня глаза. Взгляд изменился. Исчезла та лёгкая насмешка, которая была днём. Теперь там была глубина. Темный омут, в котором хочется утонуть.

«Юль, такси приехало», — крикнула из коридора моя мама.

Юля вздрогнула, отвела взгляд, начала суетливо собирать сумку. Через пять минут входная дверь за ней захлопнулась. Мама ушла доедать остатки торта и смотреть сериал. Я остался один в коридоре. Сердце колотилось где-то в ушах. «Я должен её догнать. Это безумие. Она же подруга матери. Нельзя».

Несмотря на сомнения, я схватил свою ветровку с вешалки.

— Мам, я воздухом подышу! — бросил я в сторону зала и выскочил на лестничную клетку.

Двор был пуст. Осенний ветер швырял в лицо горсти холодного дождя. Я увидел машину, в которую села Юля — маленькую чёрную иномарку — в самом дальнем конце двора, у трансформаторной будки. Фонарь мигал, освещая капли воды в воздухе. Она сидела на заднем сиденье, держа тяжёлые пакеты с оставшейся после дня рождения едой, которую навязала ей моя мать.

Я побежал через лужи, не чувствуя холода. Открыл дверцу машины, сел рядом с Юлей и приказал таксисту ехать.

— Максим? Ты чего? — голос её дрогнул, но губы улыбались.

— Ничего. Просто едем к тебе в гости, — ответил я и тоже улыбнулся.

— Что значит... ко мне? — прошептала она, хотя прекрасно понимала.

Я ничего не ответил и быстро поцеловал её в щёку. Она залилась румянцем, но не отстранилась.

Дорога до её квартиры стёрлась из памяти, сжавшись в один пьянящий миг. Мы взлетели по лестнице старой пятиэтажки, стараясь не шуметь. Лестничный пролёт пропах кошками, но нам этот запах показался самым романтичным ароматом ночи.

Её прихожая встретила нас густой темнотой. Щелчок замка отрезал внешний мир с его условностями. Юля включила свет и сбросила пальто прямо на пуфик. Я заметил, как часто вздымается её грудь под тонкой тканью платья, словно пойманная птица.

Я сделал последний шаг, сокращая дистанцию до нуля. Протянул руку и убрал прилипшую к влажной щеке прядь волос.

— Весь вечер смотрел на тебя и сходил с ума, — признался я хрипло, пугаясь собственной прямооты.

Юля замерла. Она смотрела на меня снизу вверх. Её взгляд метался: от моих глаз к губам и обратно. В нём боролись страх, совесть и голодное желание. Победило последнее. Она резко выдохнула, обвила мою шею руками и потянулась ко мне, встав на цыпочки.

Наш первый поцелуй смешивал вкус вина и тепло её рта. Её руки сами скользнули под мою ветровку, обжигаясь о горячую спину, огибая талию, спускаясь ниже... Я чувствовал, как она восхищённо касается крепких мышц моего молодого тела — это было понятно по судорожному вздоху, который она пыталась скрыть.

Внезапно она отпрянула. Испугалась собственной смелости. Задышавшись, Юля прижалась лбом к моему лбу.

— Нет... Нельзя, — прошептала она, но всё её тело кричало об обратном. Ноги дрожали. — Макс... Я старше тебя... Это катастрофа...

— Катастрофа — это если я сейчас поеду домой спать, — прохрипел я, зарываясь носом в вырез её платья и целуя ключицу. — Юля, пожалуйста. Я не хочу быть хорошим сегодня.

Слово «пожалуйста» стало последней каплей. Она тихо застонала, окончательно сдаваясь. Обхватила моё лицо горячими ладонями.

Назад дороги не было. Не было ни долгих разговоров, ни объяснений. Свет в зале включать не стали. Только тусклая подсветка телевизора бросала синие, призрачные блики на стены. Мы избавлялись от одежды прямо посреди гостиной, неловко спотыкаясь о ботинки. Моё сердце билось так громко, что заглушало шум ливня за окном.

Юля толкнула меня на диван, уперевшись ладонями в плечи. Бардовое платье соскользнуло с её тела бесшумно, тёмной лужицей застыло у ног. В полумраке её кожа казалась мраморной, подсвеченной изнутри собственным теплом.

— Тише, — шептала она, накрывая мой рот своим каждый раз, когда я издавал нечленораздельный звук восторга, касаясь подушечками пальцев внутренней стороны её бедра. — Тише... соседей разбудишь...

Это прозвучало так абсурдно и возбуждающе одновременно, что я рассмеялся прямо в поцелуй, притягивая её ближе и укладывая поверх себя. Её вес был восхитительной тяжестью. Она уперлась ладонями в пресс моего живота, проверяя мышцы на прочность. Старый пружинный диван не выдержал испытания и отозвался низким, ритмичным скрипом, который тут же вплёлся в наше сбившееся дыхание.

Мои ладони сошли с ума, жадно изучая её прелестное тело: мягкость груди, резкий изгиб поясницы, острые позвонки, проступающие сквозь кожу. Юля направляла меня, учила, шепча на ухо инструкции этим своим низким, вибрирующим голосом, от которого внизу живота скручивалась тугая спираль сладостной судороги.

— Вот так... Дыши со мной... Дай мне почувствовать каждую твою клеточку... — её голос сорвался на хриплый, вибрирующий шёпот.

Разумеется, долго сдерживаться у меня не получилось. Я перевернулся резко, стремительно, теряя остатки контроля. Мои ладони сжали её запястья над головой, припечатывая к потёртой обивке. Я чувствовал, как её губы ищут мои в слепом, влажном поцелуе, заглушая рвущийся из горла крик, пока напряжение не взорвалось ослепительной вспышкой, закончившейся общей дрожью и тихим, опустошённым выдохом ей в шею.

Под утро я проснулся от того, что замёрз.

Тело ломило приятной усталостью. Комната выстыла, но холод шёл не от окна. Пустота рядом была физически ощутимой. Скомканное бардовое платье валялось на паркете, похожее на сбитую птицу.

Я прошёл на кухню.

Юля сидела там, завернувшись в мою рубашку, которая была ей велика размеров на пять. Босые ноги не доставали до пола, она покачивала ими, глядя куда-то сквозь стену. Услышав мои шаги, она обернулась медленно, словно просыпаясь во второй раз.

— Проснулся? Кофе будешь? — тихо спросила она.

Я молча сел напротив, протягивая руки к её ледяным ступням и согревая их в своих широких ладонях.

— Останусь жить у тебя навечно, — сказал я просто, потому что других слов у меня сейчас не было.

Она тихо рассмеялась, прищуривая глаза. Я сделал глоток из её кружки — кофе остыл, отдавая терпкой горечью, но мне он показался самым вкусным напитком на свете. Уголок моего рта дрогнул в улыбке.

Юля выглядела абсолютно счастливой и совершенно домашней. В ней не осталось ни капли вчерашней дерзости, той хищной грации, с которой она толкнула меня на диван. Сейчас она смотрела на меня сонным, сытым взглядом кошки, получившей двойную порцию сливок. И под этим взглядом любые слова казались лишними.

И я знал совершенно точно: разница в возрасте — это просто цифры в паспорте, которые завтра вызовут истерику за семейным ужином. Мать будет пить валерьянку и хвататься за сердце. Отец, скорее всего, ничего не заметит, уткнувшись в газету, а потом философски пожмёт плечами. Но всё это будет завтра.

А прямо сейчас я понимал, что мой безумный порыв вчера вечером — подойти к Юле во дворе, нарушая все правила приличия и здравого смысла, — был верным решением в моей судьбе.

История Андрея

В прошлом году в ноябре мне исполнилось тридцать четыре года, и каждый мой день был неотличим от предыдущего. Подъем в семь. Безвкусная овсянка, которую я даже не солил, потому что какая разница? Проектировка систем вентиляции до шести вечера. Ужин в одиночестве. И книга по квантовой физике перед сном.

Последняя девушка Лена ушла три с половиной месяца назад, оставив записку со словами «прощай навсегда». Я стоял посреди квартиры с этим клочком бумаги и пытался понять: что именно я сделал не так? Цветы дарил, мусор выносил, носки складывал строго в правый угол корзины. Идеальный мужчина. Однако, надоел.

В пятницу вечером, когда улицы города утопали в ноябрьской жиже, а мое самолюбие — в депрессии, я увидел объявление на столбе. Оно было напечатано на плотной бумаге золотым тиснением: «Диана. Гадаю. Возвращаю вкус к жизни».

Дверь её офиса находилась в старом фонде, во дворе-колодце, где пахло кошками. Никакой мишуры, чёрных штор или запаха индийских палочек. Обычная дверь с медной табличкой.

Гадалка распахнула её после первого же звонка, словно ждала меня у порога. У неё были необычные волосы цвета жжёного сахара, небрежно собранные в узел на макушке. Но главное — глаза. Один зелёный, яркий, как молодая трава после дождя. Второй — карий, глубокий, с золотыми искрами у зрачка. Эта особенность делала её лицо асимметричным и гипнотическим. Она смотрела на меня, чуть наклонив голову, и уголок её губ дрогнул в усмешке.

— Заходи, — сказала она хрипловатым голосом.

Я шагнул внутрь. Квартира-офис оказалась лофтом с высоченными потолками. Никаких хрустальных шаров. Огромный дубовый стол, стеллажи с книгами и старый граммофон. Пахло свежемолотым кофе.

— Садись, — кивнула она на массивное кожаное кресло. — Меня зовут Диана. Тебя Андрей, инженер-проектировщик. Тридцать четыре года, кредит закрыт досрочно, близких отношений не было сто двенадцать дней. Угадала?

— Все верно, — буркнул я, садясь. Кресло обняло меня, словно пытаюсь защититься. — Поэтому я здесь. Хочу знать, почему женщины уходят. Что со мной не так?

Диана села напротив, закинув ногу на ногу. Черная юбка натянулась, подчеркивая линию бедра. Она взяла колоду карт Таро — старую, потертую, которая явно досталась ей в наследство от прабабки.

— С тобой всё так, — спокойно ответила она, тасуя карты. Звук был сухим и уютным. — Ты просто как мертвый. Ты разложил свою жизнь по полочкам, подписал каждую коробку маркером и теперь сидишь внутри этого склада, удивляясь, почему тебе душно. Ты боишься хаоса, Андрей. А женщина — это всегда стихия. Её нельзя рассчитать по формуле сопротивления воздуха.

Она раскинула карты крестом. Повисла пауза. Она смотрела на них долго, слишком долго для шарлатанки. Её разноцветные глаза слегка потемнели.

— Странно, — произнесла она. — Карты говорят, что стена, которую ты построил вокруг себя, рухнет сегодня. Буквально.

Она положила руку на центральную карту — Башня. Её пальцы, унизанные тяжёлыми серебряными кольцами с тусклыми камнями, замерли.

— Она рухнет не потому, что я так вижу, — её голос стал ещё ниже, вибрировал где-то на уровне диафрагмы. — А потому, что ты сам этого хочешь. Твоя душа устала от идеальных прямых углов, от порядка. Ей нужен пожар.

Я должен был усмехнуться. Должен был подумать о психологических трюках. Но вместо этого я смотрел на её пышную грудь, выступающую над круглым вырезом чёрной блузки. На то, как бьётся синяя жилка на её шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.